УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-311-317

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ Б. ЗАЙЦЕВА И К. ПАУСТОВСКОГО О ЮНОСТИ

Маркина О. Ю.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи – выявление лирического начала в автобиографических повествованиях двух русских писателей, один из которых стал достоянием Русского зарубежья, другой – советской литературы. Сравниваются образы и ситуации из тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» и «Повести о жизни» К. Паустовского, пути к осознанию главными лирическими персонажами писательского предназначения. Сделан вывод, что цели творчества герои анализируемых произведений, Глеб и Костя, видят по-разному, но их роднит понимание личного призвания, готовность посвятить ему всю жизнь.

Ключевые слова: Русское зарубежье, советская литература, лиризм, автобиографический герой, творчество, призвание

THE LYRICAL BASIS IN AUTOBIOGRAPHIC WORKS OF B. ZAITSEV AND K. PAUSTOVSKY ABOUT YOUTH

O. Markina*Moscow Region State University**24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article aims to reveal the lyrical basis in autobiographic works of two Russian writers, one of them became a remarkable representative of the Russian Diaspora, the other one - of Soviet literature. The characters and situations from the tetralogy "The Gleb's Journey" by B. Zaitsev and "The story of life" by K. Paustovsky are compared together with the realization of their literary destiny in young years. It is concluded that Gleb and Kostya consider the aims of their creative works differently, however, they are related by the understanding of their destiny and willingness to devote all their life to it.

Keywords: Russian Diaspora, Soviet literature, autobiographic character, creative works, destiny

Предмет исследования в данной статье – сравнение творчества двух писателей, создававших свои произведения в одно время и на одном языке, но живших в силу исторических обстоятельств в разных странах. К. Паустовский – признанный классик советской литературы, а Б. Зайцев – мэтр литературы Русского зарубежья. До недавнего времени было принято рассматривать эти две литературы отдельно, но XXI век диктует необходимость выявить их общие и даже во многом родственные черты. Одним из аргументов для такого

подхода является то, что творчество писателей разных «полюсов» зарождалось и развивалось на русской почве, впитывая общие традиции русской литературы Золотого века. Огромной объединяющей оба русла литературы составляющей является язык, впитавший в себя мощные культурные традиции. По утверждению Л. Ф. Алексеевой, «литературный процесс в Советском Союзе и в Русском зарубежье продолжал развиваться по образцу ... до-революционного» [1, с. 11]. Костяком литературной жизни и здесь, и там стали

писатели, игравшие значительную роль до революции: М. Горький, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый; Д. Мережковский, К. Бальмонт, И. Бунин, Б. Зайцев. «Невзирая на отдельные противоречия, они напряжённо осмысливали труды одних и тех же философов: В. Соловьёва, Н. Бердяева, И. Ильина...», дискутировали в одних и тех же залах, иногда и публиковались в одних и тех же печатных органах» [1, с. 11–12].

Взаимодействие между Зайцевым и Паустовским было неоднократно замечено литературоведами. По мнению А. П. Черникова, «Борис Зайцев оказал сильное воздействие на творческую манеру К. Паустовского, В. Лихоносова, Ю. Казакова и некоторых других писателей XX столетия» [9, с. 95]. Кроме того, учёный считает Зайцева одним из основоположников лирической прозы начала XX в., впитавшей в себя черты прозы и поэзии.

В докторской диссертации Н. А. Куделько [4], посвящённой тургеневской традиции в прозе XX в., отмечается, что Зайцев и Паустовский – продолжатели «аполлинической линии» в русской литературе XIX–XX вв. Это так называемая линия гармонической прозы, истоки которой исследователь видит в творчестве Пушкина и Тургенева. Однако намеченное русло изучения осталось мало конкретизированным.

В качестве прецедента рассмотрения перекличек между творчеством К. Г. Паустовского и писателя Русского зарубежья можно назвать кандидатскую диссертацию Ю. В. Курбатовой [5], которая исследовала некоторые аспекты изображения творческой личности в автобиографической прозе Ив. Бунина и К. Паустовского.

Лиризм вообще как форма выражения отношения писателя к действительности присущ разным литературным направлениям. В. Г. Белинский в своей статье «Разделение поэзии на роды и виды» утверждал, что лиризм входит в другие литературные роды, оживляя их: «Без лиризма эпос и драма были бы слишком прозаичны и холодно равнодушны к свое-

му содержанию; точно так же, как они становятся медленны, неподвижны и бедны действием, как скоро лиризм делается преобладающим элементом их» [3, с. 75].

По мере того как литература всё более тяготела к изображению не внешних событий, а внутреннего мира героя, его сознания и даже подсознания, лиризм становился организующим элементом разных литературных родов, то, что считалось атрибутом поэзии, становится достоинством многих жанров прозы, а также межжанровых образований. И. А. Бунин рассуждал о взаимоотношениях между прозой и поэзией: «Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности как в стихотворной, так и в прозаической форме. Проза также должна отличаться тональностью. Многие чисто беллетристические вещи читаются, как стихи, хотя в них не соблюдается ни размера, ни рифмы... К прозе не менее, чем к стихам, должны быть предъявлены требования музыкальности и гибкости языка»¹.

Для анализа нами избраны роман «Юность» из тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба» (1934–1953) и главы о юношеской поре в «Повести о жизни» (1945–1963) К. Паустовского. Автобиографизм в целом занимает существенное место в поэтике творчества обоих писателей, а лирическое начало, как определяли теоретики, – неотъемлемый элемент автобиографических жанров.

Термин «лирическая проза» возник в 1950–1960-е гг., обозначая качество повествования в произведениях советских писателей: О. Берггольц, К. Паустовского, В. Солоухина, Ю. Казакова и некоторых других. Если в традиционном повествовании действительность отражается объективно, но в преломлении восприятия героя, то в лирической прозе именно мироощущение героя, его чувства являются объектом изображения. В книге Э. А. Бальбурава «Поэтика лирической

¹ Бунин И. А. Интервью 1912 г. // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Статьи. М.: Художественная литература, 1967. С. 539.

прозы. 1960–1970-е годы» сделан акцент на том, что существенный элемент лирической прозы – её автобиографизм. «Цель воспоминаний не в воссоздании определённых событий и эпизодов», «цепочка разрозненных событий или поступков становятся ... объективизацией душевных состояний лирического героя, его переживания, развитие которого и является подлинным сюжетом» [2, с. 26].

Некоторые литературоведы выделяют лирическую прозу как самостоятельное течение, основная черта которого – проникающая личность автобиографического героя. В. Е. Хализев упоминал о лиро-эпических жанрах в связи с широким историческим контекстом: «Глубоко укоренена в словесном искусстве лиро-эпика, включающая в себя лиро-эпические поэмы, баллады, так называемую лирическую прозу (как правило, автобиографическую), произведения, где к повествованию о событиях “подключены” лирические отступления, как, например, в “Дон Жуане” Байрона и “Евгении Онегине” Пушкина» [7, с. 207].

Обратим внимание, что и у Зайцева, и у Паустовского стержнем повествования является «проникающая личность» автобиографического героя. События показаны не просто с участием созерцания героев, – сам момент или процесс восприятия, чувства, вызванные встречами с людьми, событиями, наблюдениями, – таков характерный для писателей объект изображения. Личность автобиографического героя показана в развитии: от детства – к зрелости, от неосознанного любования миром, внимательного созерцания окружающей жизни – к сознательному творчеству, выбору пути художника. В. М. Толмачев отмечает, что «лиризм “Путешествия Глеба” работает на общий образ – описание того, как в жизни творчески настроенного человека обнажалось и крепло крайне важное, что творческому настрою не только не противоречило, но и бросало на него благодатный отсвет» [6, с. 172].

Б. Зайцев заканчивает третью часть тетралогии под названием «Юность» размышлениями героя о творчестве и своём

предназначении: «Боже, какая же тайна, всё тайна и загадка, и ночь эта, и он... ничтожество перед Богом и всё-таки – целый мир и сейчас весь дрожит, напряжён молодостью, творчеством, силой»¹. Герой Паустовского поведал читателю о таком выборе в конце второй книги «Повести о жизни»: «Что случится дальше, я не знал. Я знал лишь одно – что буду стремиться к писательству всеми силами души... Буду работать, пока у меня пальцы смогут держать перо и пока не остановится сердце, переполненное свыше меры ощущением жизни»².

Конечно, герои осознают перспективу избранного пути по-разному. Костя чувствует потребность передать людям своё представление о прекрасном, о счастье, о справедливости – «ради служения своему народу»³. Свой зарождающийся талант он понимает как долг, его ведущее стремление – отдавать его людям, обществу. Интересно, что книга вторая «Далёкие годы» Паустовского заканчивается эпизодом, в котором автобиографические герои словно бы встречаются. Приятель Кости по имени Глеб становится свидетелем размышлений своего товарища о жизни: « – Ты о чём думаешь, Костик? – спросил Глеб. / – Так... вообще. // Я думал, что никогда и никому не поверю, кто бы мне ни сказал, что эта жизнь, с её любовью, стремлением к правде и счастьем ... лишена смысла и разума. Каждый из нас должен бороться за утверждение этой жизни всюду и всегда – до конца своих дней»⁴. Происходит словно бы диалог героев Зайцева и Паустовского, между которыми при всей их разности много соприкосновений, за которыми можно почувствовать осознанную Паустовским переключку. Оба лирических персонажа пробуют

¹ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 443.

² Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 375.

³ Там же.

⁴ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 198.

свои силы в литературе будучи совсем юными. Желание творить возникает подспудно, неосознанно, но оно неодолимо, сопротивление ему невозможно: «До сих пор я не знаю, как назвать это состояние. Оно возникало от незаметных причин. В нём не было ни капли восторженности. Наоборот, оно приносило покой и отдых. ... Состояние это требовало выражения»¹. Первый литературный опыт Кости удачен, рассказ взяли в журнал, хотя юного писателя раздражает в собственном произведении «нагромождение красотей». Несмотря на муки и сомнения, решение посвятить себя творчеству приносит герою покой: «Надо добиваться, надо работать, надо жить поэзией, словом. Я догадывался, как долго и труден будет этот путь. Но почему-то это меня успокоило»².

Глеб у Зайцева тоже чувствует стремление выразить себя в слове, и это стремление пробуждает в нём чеховская «Чайка»: «Вот она литература, жизнь!»³ После спектакля он пишет «нечто» и отправляет в литературный журнал. Как и герой Паустовского, он сомневается в себе, но не может противостоять стремлению, захватившему его, словно стихия: «Он весь находился в коловращении стихий»⁴. Глебу отказано в публикации рассказа, но он понимает, что с писательством будет связана его жизнь: «Глеб был юн, так был полон сил, тоски, непонятного ему самому напора, так сжигался огнём, которому и конца-края ещё не видно было... Раздирало сердце, но и раздирание такое утешало»⁵.

Глеб в момент понимания своего предназначения осознаёт себя частью Божественного космоса, для него дар ху-

дожника – это теперь естественная стезя, внутренняя потребность, как дыхание: «Идти да идти, дышать да дышать, слушая, как сухо хрюкает под ногой корочка предвесенного снега»⁶. И Костю, и Глеба объединяет согласие с неизбежной перспективой, её принятие и готовность страдать, но идти по пути творчества. Лирический пафос финальных сцен глав о юности героев явно различен. Мотив служения художника народу продолжает традицию А. С. Пушкина (стихотворения «Пророк» и «Памятник»). Строки «И обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей»⁷, а также воля к пробуждению добрых чувств находят прямой отклик у Паустовского, когда его герой говорит о своём писательстве: «Буду стремиться к нему ради служения своему народу, ради любви к волшебному русскому языку и к удивительной нашей земле»⁸. Творческое начало у Паустовского тесно сопряжено с мотивом путешествия. Его автобиографический герой много ездит, и осознание своего призвания приходит к нему в дороге, когда он едет на поезде в Москву.

Период начала активной творческой жизни совпадает у Кости с моментом потери домашнего очага, надёжного приюта, пространства Дома. Ему некуда возвращаться, и это даёт герою наряду с трудностями и страданиями определённую свободу, богатство жизненных впечатлений и новый опыт. Он черпает вдохновение извне: от новых знакомств, мест, занятий. С этим обстоятельством связана некоторая очерковость автобиографической прозы Паустовского.

Из «Повести о жизни» мы узнаем, что герой Паустовского встречался с автором «Путешествия Глеба» ещё в юности. Будучи в Москве, Константин посещал так назы-

¹ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 154.

² Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 157.

³ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 361.

⁴ Там же.

⁵ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 367.

⁶ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 443.

⁷ Пушкин А. С. Пророк // Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. С. 385.

⁸ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 375.

ваемые литературные «среды», где впервые видел многих знаменитых писателей начала XX в., в числе которых и Зайцев: «... я с одинаковым волнением смотрел на стриженного по-купечески Алексея Толстого, на взъерошенного Ивана Шмелёва, похожего на землемера, на тишайшего Зайцева и на ледяного Бунина, читавшего глуховатым голосом рассказ “Псалма”»¹. Несмотря на охватившее его волнение, Костя довольно метко ведёт наблюдения за писателями, рисует их портреты. Чем насыщенной впечатлениями жизнь, чем больше вокруг движения, тем больше вдохновения, потребностей в творчестве чувствовал начинающий писатель.

Мотив путешествия присутствует и у Зайцева, и он так же важен для осознания героем своего предназначения. При этом на протяжении романа мотив путешествия трансформируется в мотив странствия, приобретая более глубокий философский смысл. В конце романа «Тишина» Глеб возвращается поездом домой, чувствуя во всём незыблемый порядок и надёжность: «Всё развивалось, как надо, и всё ушло»². Заключение следующей части – романа «Юность» – также эпизод возвращения домой. Образ дома ассоциируется у него с надёжностью, стабильностью, покоем, уравновешенным творческим состоянием. Здесь ничто не отвлекает от занятий любимым делом, даже исторические потрясения пока проходят мимо, не задевая Глеба, словно метель за окном: «Пусть там смятение снеговое, он здесь в малом углу своём, с бумагой и чернилами, с силой молодости и созидания, через всю жизнь огненной чертой протянувшегося»³. Поэтизация образа дома свойственна многим произведениям в литературе

Русского зарубежья (И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева», И. Шмелёв «Лето Господне» и др.), поскольку это связано с утратой писателями своего родового гнезда, пристанища, родины, ностальгическими чувствами. Заключительный эпизод романа «Юность», когда герой возвращается в родное Прошино и окончательно понимает своё предназначение, носит лирико-философский характер. Лиризм проявляется в первую очередь в том, что всё окружающее: и домашние с их рутинными делами, и природа, и исторические неурядицы – становятся лишь фоном для духовной жизни героя, его переживаний, а финал тетралогии – принятие героем своей судьбы и удела странника: «Да, так-то вот нам и странствовать с тобой по свету. Так-то и жить милостью Божьей»⁴.

Проза Зайцева чрезвычайно поэтична, наполнена яркими метафорами, в числе которых, например, «судороги куста за окном», «бледная бирюза неба», «блеск стекляшек по снегу» и т. д.⁵ Важную роль у Зайцева играет пейзаж, одна из особенностей которого – многозначность. Напластование смыслов достигается совокупностью разных творческих подходов к явлениям: обострённой и утончённой наблюдательностью за состоянием объективного мира, оригинальной субъективизацией его восприятия, стремлением проникнуть в сущность самой природы и постичь в ней высшее, Божественное начало. В результате средствами пейзажной живописи осмысливается целый ряд сложнейших философских проблем: смысла бытия, назначения человека на земле, его связей с Родиной, высших потенций личности, любви, творчества, характера искусства, феномена художника и др. А. П. Черников заметил, что человек у Зайцева – «необходимое звено в цепи по-

¹ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 216.

² Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 291.

³ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 441.

⁴ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 582.

⁵ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 441.

колений. Смысл его жизни в том, чтобы выполнить своё природное назначение и тогда уж уйти из мира... Важно при этом – дарованную тебе Богом жизнь прожить достойно, оставив в поколениях добрый след» [8, с. 122].

Борис Зайцев и Константин Паустовский – представители двух различных ветвей русской литературы, но наследники одной культурной традиции, невольные свидетели и участники одной исторической эпохи. Лирическое начало богато и тонко выражено в их автобиографической прозе. Создавая «Путешествие Глеба» и «Повесть о жизни», оба худож-

ника слова осмысливают обстоятельства формирования творческой личности, напряжённые духовные искания, ведущие к писательскому труду. Психологически глубокая лирическая проза двух писателей, многие годы разделённых «железным занавесом», с присущей каждому из них яркой индивидуальной неповторимостью отражает духовную просветлённость творческих побуждений личности и сложную, драматическую внутреннюю борьбу за сохранение светлых идеалов в мутной пучине житейских испытаний.

Статья поступила в редакцию 06.09.2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. Ф. Значение Серебряного века для литературного процесса в Советском Союзе и Русском зарубежье // *Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам II Международной научной конференции (МГОУ, 22–23 января 2016 г.)* / сост. и ред. Л. Ф. Алексеева, В. Н. Климчукова, С. В. Крылова. М.: ИИУМГОУ, 2016. С. 7–15.
2. Бальбуров Э. А. Поэтика лирической прозы. 1960–1970-е годы. Новосибирск: Наука, 1985. 136 с.
3. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // *О театре и драматургии. 1840–1848 годы*. М.: Юрайт, 2017. С. 74–94.
4. Куделько Н. А. Традиции поэтики И. С. Тургенева в русской литературе XX в. (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005. 44 с.
5. Курбатова Ю. В. Художник и время в автобиографической прозе И. А. Бунина («Жизнь Арсеньева») и К. Г. Паустовского («Повесть о жизни»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 223 с.
6. Толмачев В. М. Б. К. Зайцев // *Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). Том I. Писатели Русского зарубежья*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 169–172.
7. Хализев В. Е. Теория литературы; изд. третье, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 437 с.
8. Черников А. П. Поэзия и проза Серебряного века. Калуга: Институт усовершенствования учителей, 1993. 264 с.
9. Черников А. П. Проза и поэзия Серебряного века: учебное пособие для учителей литературы и студентов филологических факультетов педагогических институтов. Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1994. 262 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L. F. [The significance of the Silver Age for the literary process in the Soviet Union and Russian Diaspora]. In: Alekseeva L. F., Klimchukova V. N., Krylova S. V., comp. and eds. *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v konteksteepochki («Smirnovskie chteniya»): sbornikstatei po itogam II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (MGOU, 22–23 yanvarya 2016 g.)* [The verbal art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov Readings"): a collection of articles based on the results of the II International Scientific Conference (MGOU, January 22–23, 2016)]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2016. pp. 7–15.
2. Bal'burov E. A. *Poetika liricheskoi prozy. 1960–1970-e gody* [The poetics of lyric prose. 1960–1970s]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 136 p.
3. Belinskii V. G. [Division of poetry into genera and species]. In: *O teatre i dramaturgii. 1840–1848 gody* [On theatre and drama. 1840–1848]. Moscow, Yurait Publ., 2017. pp. 74–94.
4. Kudel'ko N. A. *Traditsii poetiki I. S. Turgeneva v russkoi literature XX v. (B. K. Zaitsev, K. G. Paustovskii, Yu. P. Kazakov): avtoref. diss. ... dok. filol. nauk* [The tradition of the poetics of Turgenev in Russian

- literature of 20th century (B. Zaitsev, K. Paustovsky, Y. Kazakov): abstract of D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 44 p.
5. Kurbatova Yu. V. *Khudozhnik i vremya v avtobiograficheskoi proze I. A. Bunina («Zhizn' Arsen'eva») i K. G. Paustovskogo («Povest' o zhizni»): diss. ... kand. filol. nauk* [The artist and the time in the autobiographical prose of I. Bunin ("The Life of Arseniev") and K. Paustovsky ("The story of life"): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2009. 223 p.
 6. Tolmachev V. M. [B. Zaitsev]. In: *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo zarubezh'ya (1918–1940). Tom I. Pisateli Russkogo zarubezh'ya* [Literary encyclopedia of the Russian Diaspora (1918–1940). Volume I. Writers of the Russian Diapora]. Moscow, «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN) Publ., 1997. pp. 169–172.
 7. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 437 p.
 8. Chernikov A. P. *Poeziya i proza Serebryanogo veka* [Poetry and prose of the Silver Age]. Kaluga, Institute of Teachers Training Publ., 1993. 264 p.
 9. Chernikov A. P. *Proza i poeziya Serebryanogo veka* [Prose and poetry of the Silver Age]. Kaluga, Kaluga Regional Institute of Teachers Training Publ., 1994. 262 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркина Ольга Юрьевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; преподаватель русского языка и литературы школы № 25 города Сергиев Посад Московской области;
e-mail: bovinao@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Markina – postgraduate student at the Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University; teacher of Russian language and literature, school No. 25, Sergiev Posad, Moscow region;
e-mail: bovinao@rambler.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркина О. Ю. Лирическое начало в автобиографических повествованиях Б. Зайцева и К. Паустовского о юности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 311–317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-311-317

FOR CITATION

Markina O. Yu. The Lyrical Basis in Autobiographic Works of B. Zaitsev and K. Paustovsky about Youth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. 311–317.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-311-317